

Дано Брутто

Квартал 77

Дано Брутто

Квартал 77

<https://litres.ru/74514914>

SelfPub; 2026

Аннотация

2057 год. Город задыхается под серым куполом. Дождь пахнет железом. Цифровая личность стоит дороже тела.

Клей Мори — старший специалист Бюро кибербезопасности. Он ловит преступников в сети, но сам прячет прошлое: он вырос в Квартале 77 — заброшенном районе, где закон не работает, а власть держат Операторы. Синдикат, который судит тех, кого не смогла наказать система.

Когда в городе происходит серия загадочных самоубийств, Клей понимает: это работа Операторов. А на крыше одного из домов он находит телефон с сообщением лично для него.

Теперь ему предстоит выбрать сторону в войне, где нет правых. Где убийцы называют себя судьями, а закон — фикцией. Где его единственный союзник может оказаться главным врагом.

Нуар. Киберпанк. Психологический триллер. История о мосте между двумя мирами и о цене, которую платит тот, кто его строит.

Дано Брутто

Квартал 77

Квартал 77

Часть I. Квартал

Глава 1. Серый шум

Дождь в 2057-м пахнет железом.

Я заметил это ещё в детстве, когда мы с отцом стояли на мосту через Ирму — реку, которую город давно загнал в бетонное русло. Тогда я думал, что мне кажется. Теперь знаю точно: в дожде есть привкус ржавчины, потому что облака давно уже не просто облака. Они пропускают через себя всё, что мы выдыхаем в небо: выхлопы, испарения с заводов, чей-то прах. Дождь — это обратная связь. Небо возвращает нам то, что мы в него отправили.

В 2057-м никто уже не смотрит вверх. Смотреть не на что. Небо затянуто серой пеленой круглый год — климатологи называют это «перманентным куполом». Солнце пробивается сквозь него два-три раза за лето, и тогда город на секунду замирает, как будто забыл, что делать со светом. Потом пелена снова смыкается, и всё возвращается на круги своя:

серый свет, серые лица, серый дождь.

Я проснулся в 5:47. Раньше будильника. Раньше, чем хотел. Тело знало. Тело помнило. В Квартале подъём был в шесть. Всегда. Зимой и летом. Дождь или солнце. Ты встаёшь. Ты идёшь. Ты делаешь. Иначе — умрёшь. Я ушёл девятнадцать лет назад. Но тело всё ещё помнит. Тело не забывает.

В моей квартире на тридцать девятом этаже всегда было слишком тихо — стены гасили звук, окна не пропускали шум улицы. Я платил за эту тишину половину зарплаты. Она того стоила. После Квартала я не выносил шума.

Я встал. Прошёл на кухню. Насыпал кофе, залил кипятком. Держал чашку в руках, смотрел, как поднимается пар. Не пил. Просто смотрел. Это был мой ритуал. Бессмысленный. Как всё остальное.

Кот сидел на подоконнике. Старый, подобранный на улице три года назад. Не породистый. Не ласковый. Не мурлыкал. Не ластился. Просто сидел. Смотрел на дождь. Мы понимали друг друга.

— Ещё один день, — сказал я.

Кот не ответил. Но я знал, что он согласен.

Я оделся. Всё по протоколу. Тёмные брюки, серая рубашка, куртка с встроенным терминалом на левом рукаве. Униформа Бюро кибербезопасности. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы сказать о человеке больше, чем нужно.

На кухне я включил новостной канал. Голограмма развернулась над столешницей — тонкая, дрожащая, как рябь на воде. Диктор с идеальными зубами рассказывал о росте преступности в даркнете. Цифры, графики, эксперты. Я слушал вполуха. Всё это я знал лучше них.

— Уровень анонимности в сети достигает рекордных значений, — говорил диктор. — Эксперты связывают это с деятельностью организованных групп, использующих так называемые «тихие районы»...

Я выключил.

«Тихие районы». Красивое слово для грязи.

В 2057-м интернет перестал быть местом. Он стал пространством. Люди жили в сети так же, как в физическом мире: работали, влюблялись, умирали. Цифровая личность человека стоила дороже, чем тело. Кредитный рейтинг, ме-

медицинская карта, социальные связи — всё это хранилось в облаках, защищённых корпоративными протоколами. И всё это можно было украсть. Продать. Уничтожить.

Город делился на зоны. Центр — стекло и неон, чистые улицы, дроны-курьеры, люди с имплантами в висках, которые позволяли выходить в сеть без терминала. Периферия — панельные дома, старые сети, ржавые провода. И где-то между ними — «тихие районы». Места, где сигнал глушат, где камеры слепые, где люди живут вне системы. Квартал 77 был одним из них.

Я вышел из дома в 6:30. Улица встретила меня серым светом и запахом мокрого бетона. Дроны-курьеры сновали между домами, оставляя за собой тонкие следы пара. Где-то вдалеке гудел монорельс. Город просыпался — медленно, неохотно, как человек, который не хочет идти на работу.

Я спустился в подземный переход. Стены там были увешаны рекламой: «Заблокируй свой след», «Анонимность — это роскошь», «Твой цифровой профиль под контролем». Смешно. Все эти компании продавали то, что мы, Бюро, пытались отнять. Анонимность. Приватность. Свободу.

Я не верил в свободу. Я верил в протоколы.

На границе Центра и Периферии стояли старые автоматы по продаже воды. Они не работали лет двадцать. Но люди всё равно приходили к ним. Не за водой. За памятью. За чем-то, что было до Купола.

Бюро кибербезопасности занимало сорок этажей в стеклянной башне на пересечении Пятой и Главной. Здание было новым — его построили лет десять назад, когда городские власти наконец поняли, что преступность переехала в сеть. Снаружи — зеркальное стекло и логотип: щит, пронзённый молнией. Внутри — гул серверов, запах кофе и люди, которые почти не смотрели друг другу в глаза.

Кофе здесь варили так, будто хотели наказать всех, кто ещё способен чувствовать. Горелый, горький. Машину никто не чистил. Я привык.

Я поднялся на сорок второй этаж. Наш отдел. Тридцать рабочих мест, голографические экраны, терминалы, кабели. Половина сотрудников уже была на месте — ночная смена сдавала дела дневной. Я кивнул кому-то, не запоминая лиц. Здесь никто не задерживался надолго. Текучка. Выгорание. Люди уходили через год-два. Я держался третий год. Не потому что любил работу. Потому что не знал, куда ещё идти.

В бюро работало триста человек. Из них сто — аналитики.

Сто — оперативники. Сто — те, кто не задавал вопросов. Я был в третьей категории. До недавнего времени.

Мой стол стоял у окна. Я специально выбрал это место. Стекло было тонированным, но всё равно можно было смотреть на город. На серые крыши, на иглы антенн, на дождь. Я садился, включал терминал и смотрел. Иногда по полчаса. Никто не спрашивал, почему я не работаю. Здесь у каждого были свои странности.

Я не пользуюсь лифтом. Не могу. В детстве меня запирали в подвале — наказание за непослушание. Три дня. Без света. Без воды. С тех пор замкнутые пространства — это не страх. Это память тела. Я всегда хожу по лестнице. Даже на сорок второй этаж. Даже когда ноги горят.

Но сегодня я поднялся на лифте. Стоял у двери, лицом к выходу. Считал этажи. Двадцать второй. Двадцать первый. Двадцатый. Каждый этаж — секунда. Каждая секунда — шаг к тому, что я не мог остановить.

— Мори, ты опять медитируешь?

Линда Роуз. Мой напарник. Единственный человек в отделе, которого я мог терпеть дольше пяти минут. Ей было тридцать четыре, она носила короткую стрижку и говорила

так, будто каждое слово стоило денег. Она была из тех, кто не тратил время на вежливость. Я уважал это.

— Думаю, — сказал я.

— Это опасно. Можешь случайно придумать что-нибудь.

Она бросила планшет на мой стол. Экран мигнул, развернулся в голограмму — тонкую, дрожащую, как рябь на воде.

— Ночная смена зафиксировала всплеск в третьем контуре, — сказала Линда, садясь на край стола. — Восемь тысяч аномальных запросов за четыре часа. Все — с одного узла.

Я выпрямился. Восемь тысяч — это не хакерская атака. Для атаки нужны миллионы. Восемь тысяч — это разговор. Кто-то очень настойчиво стучался в одну и ту же дверь.

— Координаты?

— Вымытые. Цепочка из двенадцати прокси, конечная точка — где-то в районе старого порта. Но это не главное.

Она провела пальцем по голограмме, и всплыл фрагмент кода. Я узнал почерк — не синтаксис, а ритм. Так пишут не машины. Так пишут люди, которые хотят, чтобы их услыша-

ли.

— Что это? — спросил я.

— Сам посмотри.

Я коснулся голограммы. Код развернулся, и на секунду у меня перехватило дыхание.

Это был не вирус. Не троян. Не программа для кражи данных или вымогательства.

Это было приглашение.

Внизу экрана, под слоями шифрования, которые я снимал один за другим, как кожуру с гнилого фрукта, проступила строка. Всего три слова.

«Квартал 77 ждёт».

Я отшатнулся. Пальцы сами собой потянулись к чашке с кофе — не потому что хотел пить, а потому что нужно было чем-то занять руки. Линда смотрела на меня внимательно.

— Ты знаешь, что это? — спросила она.

Я знал. Знал слишком хорошо.

Квартал 77 — это не форум. Не сайт. Не строчка в коде. Это район. Тридцать гектаров на северо-востоке города, отрезанные от остального мегаполиса старой веткой монорельса, которую так и не снесли. Официально он назывался Седьмым промышленным сектором. Неофициально — Кварталом. Территория, где сигнал глушат глухие стены, где камеры смотрят в пустоту, где живут те, кто не хочет, чтобы их видели. Полиция туда не заходит. Бюро — тем более. Последний раз, когда я слышал это название, мне было девятнадцать, и я поклялся, что больше никогда его не услышу.

— Нет, — соврал я. — Первый раз вижу.

Линда не поверила. Но не стала давить. Мы работали вместе два года, и она усвоила: если Клей Мори врёт, лучше дать ему время.

Я снова посмотрел на экран. Строчка мигала — медленно, ритмично. Как пульс. Как приглашение.

— Я возьму это, — сказал я.

— Уверен?

— Да.

Она пожала плечами и ушла. Я остался один. Смотрел на три слова и чувствовал, как под рёбрами что-то сжимается. Медленно. Холодно. Как будто кто-то взял моё сердце в кулак и начал считать удары.

Я не хотел туда возвращаться. Ни в Квартал, ни в прошлое. Но код не оставлял выбора. Он был адресован мне. Лично. Я знал это так же точно, как знал, что дождь пахнет железом.

Телефон на столе завибрировал. Не рабочий терминал, не служебный канал — личный номер. Я посмотрел на экран. Неизвестный абонент. Городской код.

Я ответил.

— Вы Клей Мори? — Голос был тихим и ровным. Слишком ровным. Так говорят люди, которые уже приняли решение.

— Кто это?

— У вас есть десять минут. Потом будет поздно.

— Что поздно? Кто вы?

Пауза. Я услышал, как он выдохнул — долго, медленно, как будто выпускал из лёгких что-то тяжёлое.

— Она уже на крыше. Адрес: Восточный проспект, 14. Если успеете — спросите, зачем она зашла в Квартал.

— Почему я? — вырвалось у меня. — Почему вы звоните именно мне?

Он замолчал. На секунду мне показалось, что связь оборвалась. Но потом он ответил — тихо, почти ласково:

— Потому что вы уже там были, старший специалист Мори. И вы вернётесь. Это ваш Квартал. Всегда был вашим.

Связь оборвалась.

Я сидел, глядя на погасший экран. В голове стучало одно слово. «Квартал». «Квартал». «Квартал».

Я встал. Резко. Так, что стул отъехал назад и ударился о стену. Линда что-то кричала мне вслед, но я уже бежал к лифту. На ходу набрал номер группы быстрого реагирования. Сказал адрес. Сказал, что нужна крыша. Не объяснял.

Просто сказал.

Двери лифта закрылись. Я стоял в зеркальной кабине, смотрел на своё отражение и не узнавал себя. Лицо бледное. Глаза пустые. Руки дрожат.

— Кто ты? — спросил я у отражения.

Отражение не ответило.

Лифт спускался слишком медленно.

Я стоял в зеркальной кабине, смотрел, как мелькают этажи, и чувствовал, как время утекает сквозь пальцы. Двадцать второй. Двадцать первый. Двадцатый. Каждый этаж — секунда. Каждая секунда — шаг к тому, что я не мог остановить.

На парковке я прыгнул в служебный седан. Двигатель зажёлся с тихим гулом — гибрид, почти бесшумный. Я выжал газ до упора. Сирена взвыла, разгоняя редкие машины. Дождь бил в лобовое стекло, дворники метались, как сумасшедшие, но я всё равно ничего не видел — только серую пелену и красные огни впереди.

Восточный проспект, 14. Я знал этот адрес. Знал слишком

хорошо.

Это был один из немногих уцелевших домов на границе Квартала. Двадцать два этажа, панель, осыпаящаяся краска, окна, забитые фанерой. Когда-то здесь жили рабочие с завода. Теперь — никого. Официально. Неофициально — там всегда кто-то был. Кто-то, кто не хотел, чтобы его нашли.

Я гнал по проспекту, и в голове билась одна мысль: успею.

Дорога заняла семь минут. Я считал каждую.

На подъезде к дому я увидел, что окна на верхних этажах светятся. Не все — только одно, на двадцать втором. Кто-то был там. Ждал.

Я притормозил у дома, бросил машину прямо на тротуаре, выскочил. Дверь подъезда была приоткрыта. Внутри — темнота, запах сырости и чего-то ещё. Чем-то жжёным. Я не стал ждать лифт. Побежал по лестнице.

Двадцать два этажа. Я сбился со счёта на седьмом. Лёгкие горели, ноги наливались свинцом, но я не останавливался. На пятнадцатом я услышал шаги наверху — быстрые, лёгкие. Кто-то бежал. Я закричал:

— Стой! Полиция!

Шаги замерли. Потом — тишина. Я взлетел на последний пролёт, толкнул дверь на крышу.

Ветер ударил в лицо. Дождь хлестал, как плётка. Я увидел её.

Она стояла на самом краю, спиной ко мне. Девушка. Лет двадцать, не больше. Мокрые волосы прилипли к лицу, куртка промокла насквозь. Она не обернулась. Просто стояла и смотрела вниз, на город, который раскинулся под нами серой мозаикой огней.

Я остановился. В трёх метрах от неё. Я знал правила: не приближаться, не делать резких движений, говорить спокойно. Но в голове стучало только одно: опоздал.

— Меня зовут Клей, — сказал я. — Клей Мори. Я из бюро кибербезопасности.

Она усмехнулась. Не обернулась.

— Я знаю, кто вы.

— Откуда?

— Вам передали привет.

Что-то холодное скользнуло по позвоночнику.

— Кто?

— Операторы.

Она произнесла это слово буднично, как название магазина. И в этот момент я понял: она не просто жертва. Она часть игры. И я тоже.

— Послушай, — я сделал шаг вперёд. — Ты можешь спуститься. Мы поговорим. Я помогу.

— Не можете.

— Могу.

Она наконец обернулась. Лицо бледное, глаза сухие. Она не плакала. Она уже всё решила.

— Они сказали, что вы придёте, — тихо сказала она. — И что вы всё равно не успеете. Они всегда правы.

— Кто они?

— Те, кто держит Квартал. Те, кто держал его всегда. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Вы ведь оттуда, да? Они говорили. Они всё про вас знают.

Я замер. Слова застряли в горле.

— Спросите себя, — сказала она. — Почему вы ушли? И почему они вас отпустили?

Я не ответил. Не мог. Потому что не знал.

Она отступила назад. Я рванулся вперёд, но было поздно. Она развела руки, как будто хотела обнять дождь, и шагнула в пустоту.

Я успел схватить её за руку. Пальцы скользнули по мокрой коже. На секунду наши взгляды встретились. В её глазах не было страха. Было облегчение.

Потом её рука выскользнула.

Я стоял на краю, смотрел вниз, и дождь заливал мне лицо. Где-то внизу выла сирена. Я не помню, сколько так просто-ял. Помню только, что когда обернулся, на крыше, у выхода,

лежал телефон. Не её — другой. Новый. Экран горел.

На нём было одно сообщение.

«Добро пожаловать домой, Клей. Ты опоздал на десять минут. В следующий раз опоздаешь на девять».

Я поднял телефон. Руки дрожали. Экран был тёплым — кто-то держал его совсем недавно. Я оглянулся. Крыша пуста. Только дождь, ветер и запах железа.

Внизу уже собиралась группа. Синие и красные огни мигали сквозь пелену дождя. Я слышал голоса, рации, чьи-то команды. Я не двинулся с места. Стоял и смотрел на телефон в руке. На три слова, которые жгли ладонь.

Добро пожаловать домой.

Я не был дома девятнадцать лет. И всё это время Квартал ждал.

Я не сказал им. Никому. Сунул телефон во внутренний карман и спустился вниз. Когда группа поднялась на крышу, там уже ничего не было.

Я спустился вниз через двадцать минут. Медленно. Каждый этаж — как шаг в прошлое. На первом этаже меня встре-

тила Линда. Она стояла у двери, скрестив руки, и смотрела на меня так, будто видела впервые.

— Ты что, спятил? — спросила она. — Почему не подождал группу?

— Не было времени.

— Время было. Ты просто не хотел.

Она была права. Я не хотел. Я хотел успеть один. Потому что не хотел, чтобы кто-то ещё видел то, что я собирался увидеть.

— Что там? — спросила Линда.

— Она прыгнула.

— Ты пытался?

— Да.

— Не успел?

— Нет.

Она замолчала. Посмотрела на меня долгим взглядом. Потом вздохнула.

— Ладно. Тело внизу. Эксперты работают. Начальство хочет тебя видеть.

— Знаю.

— Клей. — Она положила руку мне на плечо. — Что происходит?

Я посмотрел на неё. Хотел сказать правду. Хотел рассказать про Квартал, про Операторов, про то, что я был одним из них. Но не мог. Не сейчас. Может, никогда.

— Позже, — сказал я. — Сначала бюро.

В бюро нас ждали.

Кабинет начальника отдела — полковника Дрейка — был на сорок пятом этаже. Я поднимался туда всего третий раз за три года. Дрейк был из тех людей, которые не повышают голос. Им это не нужно. Они просто смотрят на тебя, и ты сам начинаешь говорить лишнее.

— Садись, Мори.

Я сел. Линда осталась стоять у двери. Дрейк смотрел на меня через стол. Ему было под шестьдесят, седые волосы, тяжёлый взгляд. Он был из старой школы — из тех, кто начинал ещё до цифровой эры, когда преступность была физической, а не виртуальной.

— Докладывай.

Я рассказал. Всё, кроме того, что знал про Квартал. Аномальные запросы, код, приглашение, звонок. Адрес. Крыша. Девушка. Падение. Я не упомянул телефон. Не упомянул сообщение. Не знал почему. Просто не мог.

— Ты поехал один, — сказал Дрейк. — Не вызвал группу заранее.

— Времени не было.

— У тебя было десять минут. Ты мог вызвать группу и ждать.

— Я думал, что успею.

— Ты не думал. Ты действовал на эмоциях. Почему?

Я молчал.

— Кто тебе позвонил?

— Неизвестный.

— Номер?

— Личный. Не отследил.

Дрейк откинулся в кресле. Смотрел на меня долго. Слишком долго.

— Квартал 77, — сказал он наконец. — Ты знаешь, что это?

— Район.

— Не просто район. Это дыра. Территория, которую мы не контролируем. Полиция туда не заходит. Бюро — тем более. Там своя власть. Свои законы. И ты поехал туда один, ночью, не подготовившись.

— Я не был в Квартале. Дом на границе.

— Граница — это тоже Квартал. Ты знал это.

Я не ответил.

— Мори, — Дрейк наклонился вперёд. — Я читал твоё дело. Ты родом оттуда. Вырос в Седьмом секторе. Ушёл в девятнадцать. Поступил в академию. С тех пор ни разу не возвращался. Почему?

— Не было причин.

— А сейчас появились?

Я посмотрел ему в глаза. Холодные. Спокойные. Он знал больше, чем говорил.

— Не знаю, — сказал я. — Но я хочу вести это дело.

— Отказываю.

— Почему?

— Потому что ты лично заинтересован. Потому что ты знаешь Квартал. Потому что ты можешь быть связан с теми, кого мы ищем.

— Я не связан.

— Докажи.

Я молчал. Доказать я не мог. Потому что это была правда. Я был связан. Кровью. Памятью. Прошлым, которое я пытался забыть.

Я сменил фамилию. Сжёг мосты. Но прошлое не смывается. Бюро знало, что я из Квартала. Это было в деле. Но они не знали, кем я был там. Не знали, что я работал на Операторов. Это было только в моей памяти. И в их.

— Дело поведёт Линда, — сказал Дрейк. — Ты будешь помогать. Консультантом. Но на крышу больше не поедешь один. Понял?

— Понял.

— Свободен.

Я вышел из кабинета. Линда ждала меня в коридоре.

— Ну?

— Отстранил.

— От чего?

— От дела. Почти.

Она вздохнула.

— Клей, я тебя знаю два года. Ты никогда не врёшь. Но сейчас ты что-то скрываешь. Я это вижу.

— Я не могу.

— Можешь. Просто не хочешь.

Она развернулась и ушла. Я остался один в коридоре. Смотрел на стеклянные стены, на дождь за окном, на людей, которые проходили мимо, не замечая меня.

Телефон в кармане завибрировал. Тот самый. Новый. Я достал его. Экран загорелся.

Ещё одно сообщение.

«Хочешь узнать, почему ты ушёл? Приходи в Квартал. Один. Завтра. В полночь. Мы ждём».

Я сжал телефон в кулаке. Дождь стучал по стеклу. Где-то

далеко, на северо-востоке, за серой пеленой, лежал Квартал 77. Мой дом. Моя тюрьма. Моё прошлое.

Я знал, что пойду.

Глава 2. Полночь

Я не поехал домой. Не мог.

После разговора с Дрейком я спустился в подземный гараж, сел в машину и просто сидел. Дождь барабанил по крыше. Где-то наверху гудел город. Я держал телефон в руке — тот самый, чужой, новый — и смотрел на сообщение.

«Приходи в Квартал. Один. Завтра. В полночь. Мы ждём».

Я знал, что должен отдать его. По протоколу, по закону, по совести. Это улика. Это доказательство. Это то, что поможет найти Операторов и остановить их.

Но я не мог.

Потому что этот телефон знал обо мне больше, чем я сам. Потому что сообщение было адресовано мне. Потому что если я сдам его, бюро начнёт копать — и найдёт то, что я де-

вятнадцать лет прятал.

Я сунул телефон во внутренний карман куртки. Глубоко. Туда, где его никто не найдёт. Потом завёл двигатель и поехал домой.

Моя квартира на тридцать девятом этаже встретила меня тишиной. Я включил свет, снял куртку, повесил её на спинку стула. Потом достал телефон и положил на стол. Он лежал там, чёрный, гладкий, как кусок обсидиана. Я смотрел на него и чувствовал, как в груди что-то сжимается.

Я знал этот район. Знал его улицы, его запахи, его правила. Знал людей, которые там жили. Знал тех, кто держал его.

Я знал их.

Я налил себе виски. Двойную порцию. Сел в кресло у окна и стал смотреть на дождь. Город внизу мерцал огнями, как огромная схема. Где-то там, на северо-востоке, за серой пеленой, лежал Квартал 77.

Я закрыл глаза. И вспомнил.

Мне двенадцать.

Я стою на пороге дома — того самого, на Восточном проспекте, 14. Только тогда он не был заброшен. Тогда в нём

жили люди. Тогда там жил я.

Мать ушла, когда мне было шесть. Отец — когда мне было восемь. Не умер — просто исчез. Растворился в Квартале, как сахар в горячей воде. Я остался один. В квартале, где одиночество — это приговор.

В 2042-м Квартал был другим. Не мёртвым, но умирающим. Заводы закрылись ещё в тридцатых, когда автоматизация вытеснила рабочих. Люди остались без работы, без денег, без надежды. Государство просто вычеркнуло этот район из карт. Сначала отключили освещение. Потом — отопление. Потом — воду. Квартал погрузился в темноту, и в этой темноте выросло что-то новое.

Криминал. Но не тот, что в кино. Не банды с пистолетами. Другое. Цифровое. Люди, которые умели взламывать сети, воровать данные, продавать личности. В 2042-м цифровая личность стоила дороже физической. И Квартал стал фабрикой по производству фальшивых личностей.

Меня взяли на побегушки. Сначала мелкие: передать пакет, отнести записку, постоять на стреме. Потом серьёзнее: запустить дрон, вскрыть терминал, слить данные. Я был маленьким, быстрым, незаметным. И я умел слушать.

Мне было двенадцать, когда я впервые увидел его. Главное. Человека, которого все называли Оператором. Не потому что он был хакером. Потому что он оперировал людьми. Как хирург. Точно, холодно, без эмоций.

Он сидел в комнате на последнем этаже того самого дома. Я принёс ему пакет — не помню, что там было. Помню только, как он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. Как будто читал.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Клей.

— Клей, — повторил он. — Хорошее имя. Клей держит вещи вместе. Ты знаешь, что держит вместе Квартал?

Я покачал головой.

— Страх, — сказал он. — И деньги. Но страх важнее. Запомни это.

Я запомнил.

Он дал мне новое имя. Позывной. «Мори». Никто не знал, что оно значит. Может, он сам не знал. Но с того дня я стал

Мори. Мальчишкой, который умеет слушать. Мальчишкой, который умеет молчать.

Я работал на Операторов шесть лет. С двенадцати до восемнадцати. Я знал их сеть, их коды, их людей. Я был их глазами и ушами. Я был одним из них.

Мне было восемнадцать, когда я понял, что хочу уйти. Не сбежать — уйти. Я готовился год. Копил деньги. Изучал требования академии. Ждал момента. В девятнадцать я ушёл. В ночь. Без вещей. Без объяснений. Я думал, что они придут за мной. Думал, что меня найдут, вернут, накажут. Но они не пришли.

Я поступил в академию. Сменил фамилию. Начал новую жизнь. И девятнадцать лет пытался забыть.

Но они не забыли. И теперь они звали меня обратно.

Я открыл глаза. Виски в стакане давно согрелся. Дождь за окном стих. Часы на стене показывали половину второго ночи.

Я встал, подошёл к столу, взял телефон. Экран загорелся. Сообщение всё ещё было там. Я провёл пальцем по экрану, открыл настройки. Проверил: устройство чистое, ни слежки,

ни маячков. Они не хотели, чтобы я их нашёл. Они хотели, чтобы я пришёл сам.

Я сел за свой рабочий терминал. Домашний, не служебный. Тот, который я собрал сам, из деталей, купленных в разных местах. Терминал, который не отслеживался бюро. У каждого специалиста по кибербезопасности есть такой. Это как второй паспорт. Только для цифрового мира.

Я открыл браузер. Набрал адрес. Не тот, что был в коде. Другой. Тот, который я помнил наизусть.

quarter77.onion

Страница загружалась долго. Сначала — чёрный экран. Потом — белая строка в центре.

«Кто ты?»

Я набрал ответ. Руки дрожали.

«Мори».

Пауза. Секунда. Две. Потом экран мигнул, и появилось меню. Простое, без изысков. Список тем. Я пробежал глазами.

«Добро пожаловать». «Правила». «Долги». «Заказы». «Архив».

Я нажал на «Архив». Открылся список файлов. Даты, имена, коды. Я листал, пока не нашёл то, что искал.

«Мори. Дело №77-М-19. Статус: открыто».

Я открыл файл. Внутри было несколько строк.

«Ушёл в 19. Не преследовать. Не трогать. Ждать».

Подпись: «Оператор-1».

Я закрыл файл. Откинулся в кресле. Смотрел в потолок.

Они ждали. Девятнадцать лет. Они знали, что я вернусь. Они знали, что рано или поздно Квартал позовёт меня обратно. И теперь этот момент настал.

Я посмотрел на часы. Половина третьего. До полуночи оставалось двадцать один час.

Я встал. Подошёл к окну. Дождь кончился. Небо на востоке начинало светлеть — серое, холодное, как бетон.

Я знал, что пойду. Знал, что это ловушка. Знал, что обратной дороги не будет.

Но я также знал, что не смогу жить дальше, не узнав правду. Почему они отпустили меня тогда? Почему ждали так долго? И что им нужно от меня сейчас?

Я вернулся к столу. Взял телефон. Положил его в карман куртки. Потом сел и стал ждать.

Я не спал.

Просто лежал на кровати, смотрел в потолок и слушал, как город просыпается. К шести утра дождь окончательно стих. Небо стало серым, ровным, как бетонная плита. Я встал, принял душ, оделся. Всё по протоколу. Только куртка была другой — не служебная, а старая, гражданская. Та, которую я не носил уже года три. В неё удобно прятать вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.